This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Google

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

Belinskii, V.G.

Pis'mo k N.V. Gogolu.

STANFORD LIBRARIES

PG3321
B43A45

STANFORD LIBRARIES

THE HOOVER LIBRARY

ON

WAR, REVOLUTION, AND PEACE

PG 3321 .B43 A45
Pismo k N.V. Gogoliu ANT7185
Hoover Institution Library

PG 3321 .B43 A45
Pismo k N.V. Gogoliu ANT7185
Hoover Institution Library

Belinskii, V.G.

LETTRE de B. BELINSKIY à N. GOGOL

Avec la Préface de M. Dragomanov.

ПИСЬМО

HOOVER LIBRARY

В. Г. БѢЛИНСКАГО

КЪ

Н. В. ГОГОЛЮ

СЪ ПРЕДИСЛОВІЕМЪ

М. Драгоманова

ИЗДАНІЕ РЕДАКЦІИ УКРАИНСКАГО СБОРНИКА

„ГРОМАДА"

GENEVE
H. GEORG LIBRAIRE-EDITEUR
1880

PG3321
B43A45

LOOVRE LIBRARY

МОЖНА ДІСТАТИ ЧЕРЕЗ:
Georg, Corraterie 10, Genève і Graeve, Bouchareat

ГРОМАДА, Українська збірка впорядкована М. Драгомановим. № 1. Передмова слово.
Межи нашої мужицької України в Росиї і Австриї. — Наші сусіди-мужики. — Чужо начальство і панство на нашій землі. — Знаменитість наших простих людей до волі і спільности на всій нашій Україні в останні часи XVII ст. — Останній поділ наших людей земель в XVIII ст. — Знаменитість наших людей до волі і спільности в XIX ст.: письменство українське і наука про Україну в Росиї; знаменитість мужиків до волі і землі. — Знаменитість наших людей до волі мужицької в XVI—XVII ст. і попівські повстання в XVIII—XIX ст: братства міщанські в XVI ст. і селянські в XIX ст. Слово Божі і мужики. — Знаменитість наших людей до волі і землі в Австриї. — Маєтность землі на панство і попівство. — Своя земля на своїй землі. — Можливість і щастість своєрідї української держави. — Українська козацька держава XVII ст. і правда своєї землі: — товариство і фальшивство. — Товариство в Січі Запорозькій. — Товариські і громадські знаменитости і наука в Росиї і Австриї: — соціалізм. — Одинокість українських і спільних елементів.

Конечна річ громадської справи. — Знаки національні і побередні стихії: державні основи. — Служба людей з теперішнього панства мужицькім громадам. — Проби такої служби на Україні: українські, польські і великоросійські. — Потреба участи одинокинного українства в тій службі. — Всесвітнє братство і кривда правда. — «Всесвітнє братство робітників» і товариства по країнам і народам. — Українські потреби громадянської праці: політичні одинокости, осмість по країнам і громадам і спеціяльність праці; жані пошанування громадських людей; потреба праць на політичних і зріст наших порядків в громадах; праця промисловопільських і наукових. — Український соціалізм — не по нарізці, а громада.

Що тепер може зробити українська печать? — Українці в чужій землі. — Наші думки про сущих людей на Україні. — Наші супротивники і спільники. — Федеративна спілка в Росиї і в Австриї. — Спілка демократії в поневолених народах в Европі. — Користь з неї для державних народ. — Спілка Українців з східніми славянами. Порядок видання «Громади.» Женева. Печатня «Громади» 1878 2 фр.

ГРОМАДА Українська збірка впорядкована М. Драгомановим. № 2. Звістки про Україну 1876—1877. Ох впорядкував М. Драгоманов; Житття по селах: I. «Здирство»; A) Богатирі і бідні: 1, Поділ землі. 2. У нарах. 3, Мотенство панів і підпанків. Б) Начальство: 1, Кріпацьке начальство. 2, Царське начальство. 3, Земство. II «Темнота»: Народні школи на Україні серед житття і письменства в Росиї. М. Драгоманов; Що нового по газетах? I—V. С—отв. Україна і центри I—III. М. Драгоманова. Одповіді впорядкника; Прикмета. Либа «Обществу пособія политическимъ изгнанникамъ изъ Россіи». Женева. Печатня «Громади.» 1878. 8 фр.

PG 3321 .B43 A45
Pismo k N.V. Gogoliu ANT7185
Hoover Institution Library

ПИСЬМО
В. Г. БѢЛИНСКАГО

КЪ

Н. В. ГОГОЛЮ

СЪ ПРЕДИСЛОВІЕМЪ

М. Драгоманова

ИЗДАНІЕ РЕДАКЦІИ УКРАИНСКАГО СБОРНИКА

„ГРОМАДА“

ЖЕНЕВА

ТИПОГРАФІЯ „РАБОТНИКА“ И „ГРОМАДЫ“

1880

PG3321
B43A45

94667

Shr. coll
33095

PG 3321 .B43 A45
Pismo k N.V. Gogoliu ANT7185
Hoover Institution Library

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Письмо Бѣлинскаго къ Гоголю представляетъ одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ документовъ русской литературы. Ничто такъ не характеризуетъ основателя критики и публицистики въ Россіи, какъ эти строки, писанныя вдали отъ цензуры и полиціи императорской. И не смотря на то, что со времени написанія его прошло болѣе тридцати лѣтъ, не смотря на то, что Бѣлинскій дождался общаго культа, чуть не оффиціально-признаннаго, письмо его къ Гоголю до сихъ поръ не напечатано въ цѣломъ видѣ въ Россіи, и до сихъ поръ единственная книга,гдѣ можно прочесть его цѣликомъ, есть 1 томъ „Полярной Звѣзды" Герцена. Уже это одно обстоятельство прекрасно характеризуетъ степень свободы печати въ „послѣреформенной Россіи".

Для насъ впрочемъ въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго,—такъ какъ читатель, пробѣжавъ письмо дѣятеля „сороковыхъ годовъ", увидитъ, что требованія его для своего времени, до сихъ поръ еще не удовлетворены, а его опасенія говорить откровенно даже въ частномъ письмѣ въ Россіи,—остались, во всей своей силѣ у русскихъ „вѣрноподанныхъ" и нашей эпохи, если еще не усилились въ послѣдніе годы правленія „царя освободителя." Вотъ почему этотъ голосъ знаменитаго критика имѣетъ значеніе и теперь не только какъ замѣчательный литературный памятникъ, но отчасти и какъ программа.

Въ послѣднее время нѣкоторыя обстоятельства придали особенное значеніе письму Бѣлинскаго, именно какъ „дѣятеля 40-хъ годовъ." Всѣмъ, кто слѣдитъ за журналами и газетами, выходящими въ Россіи, бросилось, конечно, въ глаза, какъ часто въ нихъ толкуется вкривь и вкось о „дѣятеляхъ и идеалахъ сороковыхъ годовъ". Періодически, то прогрессисты, то ретрограды говорятъ о 40-хъ годахъ въ укоръ настоящему, и такъ какъ разговоры эти происходятъ на языкѣ „эзопскомъ", то они только даютъ поводъ двуголовымъ людямъ съ одинаковымъ безстыдствомъ и уко-

[illegible]

PG 3321 .B43 A45
Plato k N.V. Gogolu AN17165
Hoover Institution Library

жизнь не только Бакунина, Герцена, — но и Бѣлинскаго, Грановскаго и др., что мы рѣшительно не понимаемъ, какъ можно назвать „либераловъ стараго покроя“ „принципіальными противниками революцій, ожидающими реформъ только сверху.“ Довольно прочесть хоть бы въ той же книгѣ „Вѣстника Европы,“ гдѣ напечатано письмо Тургенева (1880, № 2), статью г. Анненкова „Замѣчательное десятилѣтіе,“ чтобъ убѣдиться, что люди 40-хъ годовъ, напр. Бѣлинскій, вдохновлялись не только „династическимъ“ либерализмомъ Англіи, но и революціонною Франціей и даже современнымъ имъ французскимъ соціализмомъ. Да и относительно Англіи люди сороковыхъ годовъ, — даже и тѣ, которые не были профессорами исторіи, какъ напр. Грановскій, — знали прекрасно, что въ этой странѣ „династическій либерализмъ“ только тогда сталъ возможенъ, когда появились съ Вильгельмомъ III „либеральныя династіи“. А противъ династіи нелиберальной и англичане дѣлали двѣ революціи, при чемъ одну династическую голову даже отрубили на эшафотѣ. И хотя за этотъ поступокъ англичанъ съ головою „государя ихъ Каролуса“ московскій царь и лишилъ ихъ торговыхъ льготъ въ отечествѣ Тургенева, но человѣкъ, которому, конечно, нашъ беллетристъ не откажетъ въ уваженіи, ни какъ художнику, ни какъ личности, — Мильтонъ, трижды брался за перо, чтобъ доказать „всѣмъ европейскимъ народамъ“ правоту поведенія англійскаго народа (напр. Defensio pro populo Anglicano и др.)

Все это Тургеневъ, какъ и другіе люди сороковыхъ годовъ, знаетъ, — и если онъ самъ теперь почему нибудь забылъ это, — то другіе очень хорошо помнили, особенно въ 40-е и 50-е годы, — и вовсе не ждали реформъ только сверху, особенно, когда видѣли, что ждать то ихъ нѣтъ никакого основанія. Грановскій напр., когда ему пришлось переживать послѣдніе годы жизни Николая I., которые во многомъ были легкими въ сравненіи съ послѣдними годами Александра II, — и когда онъ не видѣлъ около себя никакихъ проявленій ни революціонныхъ, оппозиціонныхъ, ни „образныхъ“, ни „безобразныхъ“, — то писалъ Герцену: „благо Бѣлинскому, умершему во время“, т. е. ждалъ смерти, а вовсе „не реформъ сверху“. Другіе, какъ Бакунинъ и Герценъ, — или лучше поставленные матерьяльно, или болѣе энергическіе, — не захотѣли ни умирать, ни за-

PG 3921 .B43 A45
Pismo k N.V. Gogoliu ANT7185
Hoover Institution Library

заключается, конечно, въ его страстной потребности высказать *свободно, всю* свою мысль. Политическія условія не давали ему на то возможности, — но за то же онъ и не старался примазать вапною гробъ, который его душилъ, —какъ это дѣлаютъ и теперь многіе изъ его товарищей и поклонниковъ, — а ненавидѣлъ его всею душою и при всякой возможности выливалъ эту ненависть хоть въ частныхъ разговорахъ и письмахъ. Письмо къ Гоголю представляетъ самый рѣзкій примѣръ такого разговора—и оно тотчасъ по своемъ написаніи получило публичное значеніе. Теперь, конечно, рукописная публицистика отжила свой вѣкъ, — „либераламъ стараго покроя", „либераламъ 40-хъ годовъ" слѣдуетъ, — если они хотятъ чему нибудь научить младшія поколѣнія, — высказывать свои политическія и соціальныя мысли съ искренностью Бѣлинскаго, — въ печати заграничной, если уже не въ подпольной. Цензура же и искренность не живутъ вмѣстѣ! Пусть напомнитъ это Россіи еще разъ предлагаемое нами письмо одного изъ славнѣйшихъ именъ ея!

Мы очень извиняемся передъ читателями за нашу неуклюжую прозу, которую мы подносимъ имъ передъ блестящими страницами Бѣлинскаго. Но мы не можемъ обойтись еще безъ одной оговорки: о томъ, что заставляетъ насъ, редакцію „Громады", издавать письмо Бѣлинскаго?

Главная цѣль украинскаго сборника „Громада" (La Commune) — приложеніе идей европейскаго федеральнаго соціализма къ Украйнѣ, или Малороссіи, раздѣленной между Россіей, Польшей (Галиція) и Австро-Венгріей (Буковина и Угорская Русь). Въ письмѣ же Бѣлинскаго соціалистическая идея почти не затронута,—и все оно, какъ и вся дѣятельность Бѣлинскаго, касается только Россіи. Въ добавокъ авторитетъ Бѣлинскаго призывается часто противъ такъ называемыхъ „украйнофильскихъ стремленій", въ томъ числѣ и даже противъ стремленія украинцевъ имѣть свою литературу. Мы считаемъ необходимымъ воспользоваться этимъ случаемъ, чтобъ объяснить отношенія къ Украйнѣ Бѣлинскаго въ частности и подобныхъ ему великороссовъ вообще, а также и украинцевъ къ великорусскимъ дѣятелямъ, въ родѣ Бѣлинскаго.

Бѣлинскій не признавалъ украинскаго литературнаго движенія, — но потому ли, что не видѣлъ въ Украйнѣ ни-

чего оригинальнаго, а тѣмъ болѣе симпатичнаго? Совсѣмъ напротивъ.

„Малороссія — страна поэтическая и оригинальная въ высшей степени, — писалъ Бѣлинскій въ 1840 году. Малороссіяне одарены неподражаемымъ юморомъ: въ жизни ихъ простаго народа такъ много человѣческаго и благороднаго. Тутъ имѣютъ мѣсто всѣ чувства, которыми высока натура человѣческая«... (Соч. Бѣл., т. V, стр. 303)

Въѣхавши въ Украйну въ 1846 году онъ писалъ:

„Верстъ за 30 до Харькова я увидѣлъ Малороссію, хотя еще перемѣшанную съ грязнымъ москальствомъ. Избы хохловъ похожи на домики фермеровъ—чистота и красивость неописанныя... *Другія лица, смотрятъ иначе.* Дѣти очень милы, тогда какъ на русскихъ и смотрѣть нельзя—хуже и гаже свиней«... (А. Пыпинъ. В. Гр. Бѣл.,260.)

Разбирая „Слово о Полку Игореви", особенно положеніе въ немъ женщины, Бѣлинскій говоритъ:

»Все это, повторяемъ, отзывается южною Русью. гдѣ и теперь еще такъ много человѣческаго и благороднаго въ семейномъ быту, гдѣ отношеніе половъ основано на любви, а женщины пользуются правомъ своего пола: все это противуположно сѣверной Руси, гдѣ семейныя отношенія грубы. женщина родъ домашней скотины, а любовь совершенно постороннее дѣло при бракахъ: сравните бытъ малороссійскихъ мужиковъ съ бытомъ мужиковъ русскихъ, мѣщанъ, купцовъ и отчасти и другихъ сословій, и вы убѣдитесь въ справедливости нашего заключенія о южномъ происхожденіи „Слова о Полку Игореви«. (Соч. Бѣл. т. V. 89).

Разбирая историческую поэзію великорусскую и оставшись ею недоволенъ со стороны историческаго сознанія, Бѣлинскій восклицаетъ:

«Не такова историческая поэзія Малороссіи... Малороссія была органически-политическимъ тѣломъ, гдѣ всякая отдѣльная личность сознавала себя, жила и дышала въ своей общественной стихіи и потому знала хорошо дѣла своей родины, столь близкія къ его сердцу и душѣ. Народная поэзія Малороссіи была вѣрнымъ зеркаломъ ея исторической жизни. И какъ много поэзіи въ этой поэзіи!" (Соч. Бѣл., V. 236.)

Признавая въ Украйнѣ симпатическую оригинальность содержанія, Бѣлинскій признаетъ и оригинальность формы украинской, — языка:

«Малороссійскій языкъ, говоритъ онъ. дѣйствительно существовалъ во времена самостоятельности Малороссіи и существуетъ теперь—въ памятникахъ народной поэзіи тѣхъ славныхъ временъ.« (соч. Бѣл. V. 303).

И при всемъ томъ Бѣлинскій относится отрицательно къ попыткамъ оригинальной украинской дѣятельности, да-

PG 3321 .B43 A45
Pismo k N.V. Gogoliu ANT7185
Hoover Institution Library

же литературной. Вотъ рядъ его мыслей противъ такой дѣятельности:

«Исторія Малороссіи, говоритъ Бѣлинскій, не принадлежитъ къ исторіи всемірно-человѣческой; кругъ ея тѣсенъ, политическое и *государственное значеніе* ея — то же, что въ искусствѣ гротескъ.» (Сочин. V. 236).

У Малороссіянъ нѣтъ и не было своей литературы. »Народная поэзія еще не составляетъ литературы.» (Сочин. V. 303.)

«Что касается Малороссіянъ, то смѣшно и думать, чтобъ изъ ихъ, впрочемъ прекрасной, народной поэзіи могло теперь что нибудь развиться: изъ нея не только ничего не можетъ развиться, но и сама она остановилась еще со временъ Петра Великаго; двинуть ее возможно тогда только, когда лучшая, благороднѣйшая часть малороссійскаго народа оставитъ французскую кадриль и снова пріймется плясать тропака и гопака, фракъ и сюртукъ перемѣнитъ на жупанъ и свитку, выбрѣетъ голову, отпуститъ оселедецъ, словомъ изъ состоянія *цивилизаціи, образованности и человѣчности* (*пріобрѣтеніемъ которыхъ Малороссія обязана соединенію съ Россіей*) снова обратится къ *прежнему варварству и невѣжеству*. Литературнымъ языкомъ Малороссіянъ долженъ быть языкъ ихъ образованнаго общества — языкъ русскій. Если въ Малороссіи и можетъ явиться великій поэтъ, то не иначе, какъ подъ условіемъ, чтобъ онъ былъ русскимъ поэтомъ, *сыномъ Россіи*, горячо принимающимъ къ сердцу ея интересы, страдающимъ ея страданіями, радующимся ея радостью. *Племя* можетъ имѣтъ только народныя пѣсни, но *не можетъ имѣть поэтовъ*, а тѣмъ менѣе великихъ поэтовъ: великіе поэты являются только у великихъ націй, *что за нація безъ великаго и самобытнаго политическаго значенія*?» (Сочин, V. 64—65)*)

„Не должно забывать, что Малороссія начала выходить изъ своего непосредственнаго состоянія вмѣстѣ съ Великороссіею, со временъ Петра Великаго, что до тѣхъ поръ какой нибудь вельможный гетманъ отличался отъ простаго козака не идеями, не образованіемъ, но старостью, опытностью, а иногда только богатымъ платьемъ, большими хоромами и обильною трапезою. Языкъ былъ общій, потому что идеи послѣдняго козака были въ уровень съ идеями пышнаго гетмана. Но съ Петра Великаго, началось раздѣленіе сословій. Дворянство, по ходу исторической необходимости, приняло русскій языкъ и русско-европейскіе обычаи въ образѣ жизни. Языкъ самаго народа началъ портиться, и теперь чистый малороссійскій языкъ находится преимущественно въ однѣхъ книгахъ. Слѣдовательно, мы имѣемъ полное право сказать, что теперь уже нѣтъ малороссійскаго языка, а есть областное малороссійское нарѣчіе, какъ есть бѣлорусское, сибирское и другія, подобныя имъ областныя нарѣчія.

---

*) Въ объясненіе этихъ словъ слѣдуетъ напомнить слѣдующее обращеніе Бѣлинскаго къ болгарину Априлову: „*Турки—народъ*, образующій собою *государство*, а *болгаре* — только *племя*, не образующее собою никакого политическаго общества, и въ этомъ то и заключается причина турецкаго господства надъ вами, какъ *историческаго права, которое есть сила*.“ (Сочин. VI. 452.)

[illegible]

[illegible] *[illegible] слова и маленькое [illegible] повести [illegible] слова [illegible] малороссіяхъ — для малороссійскихъ крестьянъ* [illegible] *простодушіемъ крестьянскаго слова и добротою крестьянскаго ума.* [illegible]

Въ вышеписанныхъ словахъ заключаются почти всѣ возраженія которыя и по сихъ поръ дѣлаются противъ украинскихъ стремленій, даже литературныхъ. Вдумавшись въ они подчеркнутыя нами слова, — не трудно увидѣть

PG 3321 .B43 A45
Pismo k N.V. Gogoliu ANT7185
Hoover Institution Library

ихъ основы: *на первомъ* планѣ — узкую государственность, мѣстнаго, московско-петербургскаго, происхожденія, въ берлинской, — гегеліанской формѣ. По этому взгляду не только внѣ государства нѣтъ народа, но только государство создаетъ какую нибудь интеллектуальную жизнь. Отсюда между прочимъ и культъ Петра Великаго, который такъ силенъ у Бѣлинскаго. Во *вторыхъ* въ словахъ Бѣлинскаго видимъ пренебреженіе къ массамъ дѣйствительнаго народа, — къ мужикамъ. При такомъ узко государственномъ и аристократическомъ взглядѣ, — понятно, что разъ у украинцевъ нѣтъ ни государства, ни аристократіи, — они не должны имѣть литературы. Впрочемъ изъ этихъ взглядовъ можно было бы вывести и другое: а именно, что „оригинальные" украинцы должны были бы стремиться къ тому, чтобъ образовать свое государство и свою аристократію. Но этого вывода логика не подсказала писателю-великоруссу, — а когда нѣкоторые украинцы стали, въ виду аргументовъ, въ родѣ приведенныхъ изъ Бѣлинскаго, приходить къ мысли если не о своемъ государствѣ и аристократіи, то хотя объ автономіи, тогда исходная точка возраженій перемѣнилась и ихъ стали побивать съ точки зрѣнія „широты интересовъ" и демократіи, которой-де никакая автономія не интересна.

Въ словахъ Бѣлинскаго замѣчается еще и *третья* основная черта возраженій противъ украинскихъ стремленій: это *незнаніе старой и новой жизни украинскаго народа.* Такъ мысль, что только Петръ Великій вывелъ Россію изъ непосредственности и варварства не совсѣмъ вѣрна и относительно Московіи, но уже совершенно невѣрна относительно Украйны, которая сама дала дѣятелей для реформы въ Московіи.

На сколько широки были зачатки культурной жизни въ Украйнѣ XVI-XVII вв., — на сколько она непосредственно соприкасалась съ Европою, — это теперь и обыкновенный читатель можетъ увидѣть напр. изъ главы о Малорусской литературѣ въ новомъ изданіи „Исторіи Слав. Литературъ" гг. Пыпина и Спасовича. Оттуда же можно убѣдиться и въ невѣрности мысли о томъ, что на Украйнѣ не было никакой литературы, кромѣ народныхъ пѣсенъ. И если въ Украйнѣ XVI-XVII было больше единства въ языкѣ между высшими и низшими классами, — то не столь-

PG 3321 .B43 A45
Pismo k N.V. Gogoliu ANT7185
Hoover Institution Library

...чень расположенъ въ пользу Шевченка. Бѣлинскій, по пріѣздѣ въ Петербургъ, »наводилъ справки« и пришелъ къ самому неблагопріятному выводу: по справкамъ, которыя, какъ видно, не были совершенно точны, выходило, что Шевченко былъ авторомъ »пасквилей« и за это былъ посланъ солдатомъ на Кавказъ. Такого рода люди, по мнѣнію Бѣлинскаго, — »враги всякаго успѣха«, потому что своими поступками »раздражаютъ правительство, пѣлаютъ его подозрительнымъ, готовымъ видѣть бунтъ тамъ, гдѣ ровно ничего нѣтъ, и вызываютъ мѣры, крутыя и гибельныя для литературы и просвѣщенія«. — Сколько мы знаемъ, дѣло было не совсѣмъ такъ, какъ разсказываетъ Бѣлинскій, но онъ тогда не имѣлъ другого толкованія этого факта, и такимъ рѣзкимъ образомъ возсталъ противъ Шевченка. Кромѣ того, описаніе возбудитъ подозрительность и вызвалъ крутыя мѣры вполнѣ оправдѣло Бѣлинскимъ тотъ вліяніемъ ожиданій, что тогда предстоялъ разрѣшеніе крестьянскаго вопроса... Въ доказательство своихъ описаній Бѣлинскій приводитъ одну исторію изъ тогдашней цензурной практики. Не задолго передъ тѣмъ вышла одна книжка о малороссійской исторіи, въ которой, по словамъ Бѣлинскаго, была между прочимъ высказана мысль, что Малороссія или должна отторгнуться отъ Россіи, или погибнуть. Книжка прошла благополучно, но впослѣдствіи на нее сдѣланъ былъ доносъ, и цензору (человѣку очень уважаемому) грозило преслѣдованіе, которое едва могло быть отклонено. Цензоръ утѣшѣлъ, но вышелъ въ отставку, чтобъ уйти отъ фальшиваго положенія между требовательными цензурными властями и литературой, которой не хотѣлъ гѣснить мелочными придирками. Въ цензурѣ вообще начинались строгости: Бѣлинскій характеризуетъ при этомъ тогдашняго начальника цензуры, Мусина-Пушкина. Между прочимъ вскорѣ за упомянутымъ случаемъ съ малороусской книжкой открылось гоненіе противъ французскихъ романовъ — запрещены были «Манонъ-Леско» и романы Ж. Занда «Пиччинино» и «Леонъ-Леонъ». По словамъ Бѣлинскаго, цензура вообразила, что авторъ упомянутой книжки »набрался хохлацкаго патріотизма изъ французскихъ романовъ«.

Жаль, что г. Пыпинъ не напечаталъ подлинника письма Бѣлинскаго, — тогда бы яснѣе было видно, что Бѣлинскій не узналъ даже, за что обвиненъ былъ Шевченко и другіе „хохлы" (Костомаровъ, Кулишъ, А. Маркевичъ и др.), такъ такъ по словамъ Бѣлинскаго вина Шевченка состояла въ гнусномъ пасквилѣ на императрицу, какъ на женщину. Не узналъ Бѣлинскій и о томъ, что это за книжка, которая возмутила цензоровъ: это была книга г. Кулиша „Повѣсть объ Украйнѣ", — и въ ней не столько проводилась мысль объ отдѣленіи Малороссіи, сколько протестъ противъ закрѣпощенія въ ней крестьянъ. Какъ теперь извѣстно всѣмъ, этотъ протестъ въ болѣе рѣзкой формѣ составляетъ главное содержаніе поэмъ Шевченка, такъ возмутившихъ Николая I. Въ этомъ смыслѣ цензура

PG 3321 .B43 A45
Pismo k N.V. Gogoliu ANT7185
Hoover Institution Library

зоеть приговоровъ надъ „хохлацкими свиньями и ихъ безтолковщиномъ“,—составляетъ характеристическую особенность всѣхъ почти великорусскихъ дѣятелей, даже самыхъ лучшихъ. Тотъ парижскій другъ, который интересовался Шевченкомъ, — былъ, если не ошибаемся, Герценъ. Несомнѣнно, онъ обнаружилъ въ данномъ случаѣ больше чутья, чѣмъ его петербургскій другъ. Послѣ же, въ „Колоколѣ“ (61) онъ помѣстилъ вышеупомянутую статью „Украйна“, очевидно, писанную однимъ изъ главныхъ членовъ Костомаровско-Шевченковскаго „братства“, — и назвалъ Шевченка „едва ли не единственнымъ народнымъ поэтомъ“. Но, когда настало время вспомнить объ Украйнѣ, при рѣшеніи важнаго жизненнаго вопроса, Герценъ забылъ о ней и даже о томъ, что было напечатано въ его же „Колоколѣ“, [1] —и безусловно присоединился къ манифесту польскихъ революціонеровъ 1863 г., которые заявили желаніе возстановить Польшу въ границахъ до перваго раздѣла 1773 г., т. е. совершить новый *раздѣлъ* Украйны! [2] Если бы Герценъ зналъ и помнилъ хоть бы то, что писали Костомаровъ, Шевченко, Кулишъ, Антоновичъ,—„Основа“ и галицкіе журналы,—онъ никогда бы не сдѣлалъ такого крупнаго промаха, — вреднаго и для польской, и для великорусской свободы. Какъ дополненіе къ этому надо сказать, что если бы великороссійское общество знало тоже самое, то оно никогда бы не позволило Каткову увѣрить себя, что все украинское движеніе есть дѣло интриги поляковъ!

Совершенно такой же промахъ незнанія и невниманія, какъ сдѣланный Герценымъ, обнаружилъ и Чернышевскій, когда въ статьѣ „Національная безтактность“ [3] укорялъ галичанъ-русиновъ, зачѣмъ они не идутъ за одно съ польскими политиками противъ австрійскаго правительства, — между тѣмъ какъ эти политики сами готовы идти съ кѣмъ угодно (въ томъ числѣ и съ австрійскимъ правительствомъ), только бы имъ было обезпечено господство надъ крестьянами и надъ русинами. Вообще во всѣхъ, какъ положительныхъ, такъ и отрицательныхъ, разсужденіяхъ великоруссовъ о такъ называемомъ русско-польскомъ вопросѣ,—отъ „Московскихъ

---

[1] Россія и Польша. Колок. 1859 г. 1 Янв., 15 Янв. 1 Марта.
[2] Колок. 1862 г. 2 Окт., 15 Окт.
[3] Современникъ 1861. IX.

Библиотека ДАН АМН
Учреждения В.И.У. Сорокин АНТРОП
Московская Академия Наук

дпинываться и къ омосковленнымъ и ополяченнымъ образованнымъ классамъ на самой Украинѣ. Представители этихъ классовъ отъ правыхъ до самыхъ лѣвыхъ, въ массѣ своей, тѣмъ дальше, все меньше стали обнаруживать охоты знать не только „украинскій" народъ, но даже мѣстные интересы и жизнь всѣхъ жителей Украйны вообще, а это все и дѣлаетъ все болѣе настоятельнымъ своего рода home rule: *отдѣльную организацію* образованныхъ украинцевъ, которые ставили бы своею главною цѣлью, — при полномъ усвоеніи общеевропейской культуры (съ фракомъ и французской кадрилью, если хотите, а ужъ, конечно, съ знаніемъ французскаго языка), — сохранить и упрочить связь свою съ страною и и ея многочисленнѣйшимъ племенемъ, связь по мѣсту дѣятельности и по формѣ ея, главнымъ образомъ, по языку. Хоть исторія болѣе чѣмъ доказала, что созданные,—послѣ раздѣла Украйны между Московіей, Польшею и Турціею въ концѣ XVII в.,—чужими государствами образованные классы на Украйны не въ состояніи и не хотятъ служить ея интересамъ.*) А потому надо, чтобъ рана, нанесенная этимъ перерывомъ, совершенно внѣшнимъ, а вовсе не органическимъ, какъ думалъ напр. Бѣлинскій, была залѣчена, иначе она атрофируетъ и послѣднія силы страны и многочисленнѣйшаго ея народа,—что отозвется вредно и на интересахъ колоній и на самыхъ континентахъ привиллегированныхъ народовъ, польскаго и великорусскаго, такъ какъ и для нихъ не все равно имѣть своими сосѣдями полныхъ, самосознательныхъ, или забитыхъ, безсловесныхъ людей.

Самымъ дѣйствительнымъ средствомъ, какое могло бы быть принято для этого возстановленія связи образованныхъ классовъ на Украйнѣ съ народомъ украинскимъ, было бы, конечно, возстановленіе *политической самостоятельности Украйны*. Но это трудно вообще, а въ особен-

---

рійская Польша и Украйна"). Иначе и вполнѣ интернаціонально смотритъ на Галицію органъ польскихъ и украинскихъ рабочихъ въ Львовѣ «Praca». (См. № 6 1880).

*) Довольно будетъ напомнить, что на территоріи черниговскаго козацкаго полка было въ 1748 г. 143 школы, а въ 1875 г., даже послѣ учрежденія земства, всего 32, — что кіевскій учебный округъ, самый просвѣщенный въ Россіи XVII в., теперь послѣдній по числу народныхъ школъ, кромѣ Оренбургскаго и Сибири. Подробнѣе см. объ этомъ въ „Громадѣ" т. II, стр. 393—406.

PG 3321 .B43 A45
Pismo k N.V. Gogoliu ANT7185
Hoover Institution Library

гой стороны слабость этихъ зачатковъ и кадровъ и постоянная увѣренность въ поддержкѣ со стороны царской полиціи и III отдѣленія осмѣляетъ агентовъ австро-венгерской полиціи въ ихъ мѣрахъ противъ украинцевъ россійскихъ и даже мѣстныхъ.

Вотъ почему люди, сознающіе себя украинцами, какихъ бы философскихъ, политическихъ и соціальныхъ мыслей они не были, одинаково заинтересованы въ ***устраненіи въ Россіи административнаго произвола***, или иначе въ ***установленіи политической свободы***. Говоримъ ***политической свободы***, а не ***конституціоннаго образа правленія***, потому что это не одно и тоже: политическая свобода это значитъ прежде всего ***свобода лица***,—его вѣры, равно какъ и невѣрія, его національной жизни, его слова, его группированія съ другими,—а самодержавный парламентъ, извѣстнымъ образомъ составленный, можетъ всего этого и не дать, какъ и самодержавный государь, и даже по большей части не даетъ, особенно въ централизованныхъ государствахъ. Въ частности относительно Россіи, мы почти вполнѣ увѣрены, что Земскій Соборъ имперіи сохранитъ преобладаніе великорусской народности и интересовъ центральныхъ московскихъ провинцій надъ всѣми другими, особенно въ вопросахъ школьныхъ и экономическихъ *). А потому для насъ, какъ для украинцевъ, также интересно ограниченіе власти и центральнаго земскаго собора провозглашеніемъ неприкосновенности ***личныхъ правъ*** (въ число которыхъ входятъ и національныя) и организаціей ***мѣстнаго самоуправленія:*** общиннаго, уѣзднаго, губернскаго, областнаго, какъ и ограниченіе произвола царскаго. И такъ какъ только при этихъ двухъ условіяхъ и возможна какая либо дѣйствительная политическая свобода, то мы надѣемся, что по крайней мѣрѣ извѣстная часть друзей свободы и среди великоруссовъ, особенно изъ окраинныхъ губерній, поддержитъ эти требованія неприкосновенныхъ личныхъ правъ и широкой мѣстной свободы, безъ которыхъ для невеликорусскихъ народностей и въ конституціонной Россіи жизнь останется почти такъ-же невыносима, какъ невыносима она и въ

*) Напомнимъ поведеніе парламентскаго большинства въ Берлинѣ относительно Познани и Эльзаса, въ Вѣнѣ и Пештѣ относительно славянъ, во Львовѣ относительно русиновъ.

Россіи царскаго самодержавія. Само собою разумѣется, что къ такъ поставленному вопросу о политической свободѣ въ Россіи должны отнестись съ сочувствіемъ и поддержкою всѣ люди не славянскихъ „окраинъ" ея: литовцы, латыши, эсты, румыны, кавказцы, а также славяне-поляки, которые до сихъ поръ считали болѣе согласною съ своими интересами програму не федерализма, а сепаратизма, при своего рода централизмѣ, — и даже финляндцы, которыхъ мѣстная жизнь всегда будетъ менѣе стѣснена федеральною, тѣмъ централизованною Россіей.

Вслѣдствіе этихъ соображеній редакція „Громады", употребляя большую часть своихъ средствъ и труда за изученіе и пропаганду соціально-экономическаго вопроса среди украинскаго населенія въ Россіи и Австріи, считала необходимымъ содѣйствовать, по мѣрѣ силъ, и политическому разъясненію вопроса о политической свободѣ въ Россіи, издавая время отъ времени брошюры на великороссійскомъ языкѣ не только какъ на болѣе ей доступномъ, — чѣмъ напр. польскій, или румынскій, или нѣмецко-еврейскій, или венгерскій, которыми говорятъ ближайшіе сосѣди и часто односельцы украинцевъ и которыми тоже должна пользоваться украинская печать,—но и какъ на языкѣ de facto федеральномъ на Востокѣ Европы. По этимъ же соображеніямъ мы сочли необходимымъ взяться за изданіе письма Бѣлинскаго къ Гоголю, какъ одного изъ первыхъ памятниковъ мысли о личномъ достоинствѣ и политической свободѣ въ Россіи,—предметахъ одинаково интересныхъ для всѣхъ ея народовъ. Каковы бы ни были мнѣнія такихъ людей какъ Бѣлинскій, о нашихъ украинскихъ дѣлахъ и интересахъ въ частности, мнѣнія, которыя мы не можемъ считать ни чѣмъ инымъ, какъ отголоскомъ старыхъ государственно-сословныхъ привычекъ, результатомъ незнанія и недоумѣнности, — но подобное выраженіе и защита основныхъ правъ человѣческой личности, найдетъ въ насъ всегда горячихъ поклонниковъ и, если нужно, помощниковъ.

М. Драгомановъ.

Женева.
18 Марта 1889

PG 3321 .B43 A45
Pismo k N.V. Gogoliu ANT7185
Hoover Institution Library

ПИСЬМО БѢЛИНСКАГО

Вы только отчасти правы, увидавъ въ моей статьѣ *разсерженнаго* человѣка: этотъ эпитетъ слишкомъ слабъ и нѣженъ для выраженія того состоянія, въ которое привело меня чтеніе вашей книги. Но вы вовсе неправы, приписавши это вашимъ, дѣйствительно не совсѣмъ лестнымъ отзывамъ, о почитателяхъ вашего таланта. Нѣтъ, тутъ была причина болѣе важная. Оскорбленное чувство самолюбія еще можно перенести, и у меня достало бы ума промолчать объ этомъ предметѣ, еслибы все дѣло заключалось въ немъ, но нельзя перенести оскорбленнаго чувства истины, человѣческаго достоинства; нельзя молчать, когда подъ покровомъ религіи и защитою кнута проповѣдаютъ ложь и безнравственность, какъ истину и добродѣтель.

Да, я любилъ васъ со всею страстью, съ какою человѣкъ, кровно связанный съ своей страною, можетъ любить ея надежду, честь, славу, одного изъ великихъ вождей ея на пути сознанія, развитія, прогресса. И вы имѣли основательную причину хоть на минуту выйти изъ спокойнаго состоянія духа, потерявши право на такую любовь. — Говорю это не потому, чтобы я считалъ любовь свою наградою великаго таланта, а потому, что въ этомъ отношеніи я представляю не одно, а множество лицъ, изъ которыхъ ни вы, ни я не видали самаго большаго числа, и которые въ свою очередь тоже никогда не видали васъ. Я не въ состояніи дать вамъ ни малѣйшаго понятія о томъ негодованіи, которое возбудила ваша книга во всѣхъ благородныхъ сердцахъ, ни о тѣхъ вопляхъ дикой радости, которые издали при появленіи ея всѣ враги ваши, и нелитературные — Чичиковы, Ноздревы, Городничіе... и литературные, которыхъ имена хорошо вамъ извѣстны. Вы видите сами, что отъ вашей книги отступились даже люди, повидимому одного духа съ ея духомъ.

PG 3321 .B43 A45
Pismo k N.V. Gogoliu ANT7185

мѣщики со своими крестьянами и сколько послѣдніе ежегодно рѣжутъ первыхъ), что доказывается его робкими безплодными полумѣрами въ пользу бѣлыхъ негровъ, и комическимъ замѣненіемъ однохвостнаго кнута трехвостною плетью.

Вотъ вопросы, которыми тревожно занята вся Россія въ ея апатичномъ снѣ! и въ это-то время великій писатель, который своими дивно-художественными, глубоко-истинными твореніями такъ могущественно содѣйствовалъ самосознанію Россіи, давши ей возможность взглянуть на самое себя, какъ будто въ зеркалѣ —является съ книгою,въ которой во имя Христа и церкви учитъ варвара помѣщика наживать отъ крестьянъ больше денегъ, учитъ ихъ ругать побольше... И это не должно было привести меня въ негодованіе?... Да еслибы вы обнаружили покушеніе на мою жизнь, и тогда бы я не болѣе возненавидѣлъ васъ какъ за эти позорныя строки... И послѣ этого вы хотите, чтобы вѣрили искренности направленія вашей книги! Нѣтъ! еслибы вы дѣйствительно преисполнились истиною Христовою, а не дьяволова ученія, — совсѣмъ не то написали бы въ вашей новой книгѣ. Вы сказали бы помѣщику: что такъ, какъ крестьяне его братья о Христѣ, а какъ братъ не можетъ быть рабомъ своего брата, то онъ и долженъ или дать имъ свободу, или хотя по-крайней мѣрѣ пользоваться ихъ трудами какъ можно выгоднѣе для нихъ, сознавая себя, въ глубинѣ своей совѣсти, въ ложномъ положеніи въ отношеніи къ нимъ.

А выраженіе: *Ахъ ты неумытое рыло*! Да у какого Ноздрева, у какого Собакевича подслушали вы его, чтобы передать міру, какъ великое открытіе въ пользу и назиданіе мужиковъ, которые и безъ того потому не умываются, что повѣривъ своимъ барамъ, сами себя не считаютъ за людей? А ваше понятіе о національномъ русскомъ судѣ и расправѣ, идеалъ котораго нашли вы въ глупой поговоркѣ, что должно пороть и правого и виноватого? Да, это и такъ у насъ дѣлается въ частую, хотя еще чаще всего порютъ только правого, если ему нечѣмъ откупиться отъ преступленія, и другая поговорка говоритъ тогда: Безъ вины виноватъ! И такая-то книга могла быть результатомъ труднаго внутренняго процесса, высокаго духовнаго просвѣтленія! Не можетъ быть! Или вы больны и вамъ надо спѣшить лечиться, или... не смѣю досказать моей мысли!.... Проповѣдникъ кнута, апостолъ невѣжества, поборникъ обскурантизма и мракобѣсія, панегиристъ татарскихъ нравовъ — что вы дѣлаете! Взгляните себѣ подъ ноги, вѣдь вы стоите надъ без-

PG 3321 .B43 A45
Pismo k N.V. Gogoliu ANT7185
Hoover Institution Library

ложившись отъ Христіанства, все еще упорно стоятъ за какого-то Бога. Русскій народъ не таковъ; мистическая экзальтація не въ его натурѣ; у него слишкомъ много для этого здраваго смысла, ясности и положительности въ умѣ, и вотъ въ этомъ-то можетъ быть огромность историческихъ судебъ его въ будущемъ. Религіозность не привилась въ немъ даже къ духовенству, ибо нѣсколько отдѣльныхъ, исключительныхъ личностей, отличавшихся такою холодною, аскетическою созерцательностію, ничего не доказываютъ. Большинство-же нашего духовенства всегда отличалось только толстыми брюхами, схоластическимъ педантствомъ, да дикимъ невѣжествомъ. Его грѣхъ обвинить въ религіозной нетерпимости и фанатизмѣ, его скорѣе можно похвалить за образцовый индиферентизмъ въ дѣлѣ вѣры. Религіозность проявилась у насъ только въ раскольническихъ сектахъ, столь противоположныхъ, по духу своему, массѣ народа и столь ничтожныхъ передъ нею числительно.(?)

Не буду распространяться о вашемъ дифирамбѣ любовной связи русскаго народа съ его владыками. Скажу прямо: этотъ дифирамбъ ни въ комъ не встрѣтилъ себѣ сочувствія и уронилъ васъ въ глазахъ даже людей, въ другихъ отношеніяхъ очень близкихъ къ вамъ по ихъ направленію. Что касается до меня лично, предоставляю вашей совѣсти упиваться созерцаніемъ божественной красоты самодержавія (оно покойно, да, — и выгодно), только продолжайте благоразумно созерцать его изъ вашего прекраснаго далека: вблизи-то оно не такъ красиво и не такъ безопасно..... Замѣчу только одно: когда Европейцемъ, особенно католикомъ, овладѣетъ религіозный духъ, онъ дѣлается обличителемъ неправой власти, подобно еврейскимъ пророкамъ, обличавшимъ беззаконія сильныхъ земли. У насъ-же наоборотъ: постигаетъ человѣка (даже порядочнаго) болѣзнь, извѣстная у врачей - психіатровъ подъ именемъ religiosa mania, онъ тотчасъ-же земному богу подкуритъ болѣе нежели небесному, да еще такъ хватитъ черезъ край, что тотъ хоть и хотѣлъ бы его наградить за рабское усердіе, да видитъ, что этимъ скомпрометировалъ бы себя въ глазахъ общества... Бестія нашъ братъ, русскій человѣкъ!...

Вспомнилъ я еще, что въ вашей книгѣ вы утверждаете, за великую и неоспоримую истину, будто простому народу грамота не только не полезна, но положительно вредна. — Что сказать вамъ на это? Да проститъ васъ вашъ византійскій богъ за эту византійскую мысль, если только передавши ее бумагѣ, вы не

знали, что говорили... Но можетъ быть вы скажете: «Положимъ что я заблуждался, и въ мои мысли вошелъ, но почему-же отнимаете у меня право заблуждаться и не хотите вѣрить искренности моихъ заблужденій?» Потому, отвѣчаю я вамъ, что подобное направленіе въ Россіи самое тяжкое новость. Даже еще недавно оно было вполнѣ вѣковѣчно Бурачковъ съ братіею. Замѣтно въ вашей книгѣ болѣе того и даже сказано хотя и того и другого не очень много въ ней... тамъ въ ихъ сочиненіяхъ: но за то они развили общее имъ съ вами учеміе съ большей опытностью и большей послѣдовательностью, смѣло пошли по его послѣднимъ результатовъ, все отдали земнорѣдному богу, ничего не оставили сатанѣ: тогда какъ вы, желая поставить по свѣтъ и тому и другому, знали въ противорѣчіе, оставляли лавреньевъ Лушкина, литературу и театры, которые съ вашей точки зрѣнія, если бы вы только имѣли добросовѣстность быть послѣдовательнымъ, нисколько не могутъ служить къ спасенію души, но иного могутъ служить къ ея погибели... Чья-же голова могла переварить мысль о божественности Гоголя съ Бурачковымъ? Вы слишкомъ высоко поставили себя во мнѣніи русской публики, чтобы она могла вѣрить въ васъ искренности подобныхъ убѣжденій. Что кажется естественнымъ въ глупцахъ, то не можетъ казаться такимъ въ геніальномъ человѣкѣ. Нѣкоторые остановились-было на мысли, что ваша книга есть плодъ умственнаго разстройства, или вѣро къ положительному сумасшествію. Но они скоро отступились отъ такого заключенія — ясно, что книга писана не день, не недѣлю, не мѣсяцъ, а можетъ быть годъ, два или три: въ ней есть связь; сквозь небрежное изложеніе проглядываетъ обдуманность, а умъ вліяніемъ предержащимъ хорошо устраиваетъ темное положеніе набожнаго автора. Вотъ почему въ Петербургѣ распространился слухъ, будто вы написали эту книгу съ цѣлью попасть въ наставники къ сыну наслѣдника. Еще въ Петербургѣ сдѣлалось извѣстнымъ письмо ваше къ Уварову, гдѣ вы говорите съ огорченіемъ, что вашимъ сочиненіямъ о Россіи даютъ превратный толкъ, затѣмъ обнаруживаете неудовольствіе своими прежними произведеніями и объявляете, что только тогда останетесь довольны своими сочиненіями, когда ими будетъ доволенъ царь. Теперь судите сами, можно ли удивляться тому, что ваша книга уронила васъ въ глазахъ публики и какъ писателя и еще болѣе какъ человѣка?....

Вы, сколько я вижу, не совсѣмъ хорошо понимаете русскую

PG 3321 .B43 A45
Pismo k N.V. Gogoliu ANT7185
Hoover Institution Library

публику. Ея характеръ опредѣляется положеніемъ русскаго общества, въ которомъ кипятъ и рвутся наружу свѣжія силы, но сдавленныя тяжелымъ гнетомъ, не находя исхода, производятъ только уныніе, тоску,апатію. Только въ одной литературѣ, не смотря на татарскую цензуру, есть еще жизнь и движеніе впередъ. Вотъ почему званіе писателя у насъ такъ почетно, почему у насъ такъ легокъ литературный успѣхъ даже при маленькомъ талантѣ. Титло поэта, званіе литератора у насъ давно уже затмило мишуру эполетъ и разноцвѣтныхъ мундировъ. И вотъ почему у насъ въ особенности награждается общимъ вниманіемъ всякое, такъ называемое, либеральное направленіе, даже и при бѣдности таланта; и почему такъ скоро падаетъ популярность великихъ талантовъ, искренно или неискренно отдающихъ себя въ услуженіе православію, самодержавію и народности. Разительный примѣръ Пушкинъ, которому стоило написать только два-три вѣрноподданническихъ стихотвореній и надѣть камер-юнкерскую ливрею, чтобы вдругъ лишиться народной любви! И вы сильно ошибаетесь, если не шутя думаете, что ваша книга пала не отъ ея дурнаго направленія, а отъ рѣзкости истинъ, будто бы высказанныхъ вами всѣмъ и каждому. Положимъ вы могли это думать о пишущей братіи, но публика-то какъ могла попасть въ эту категорію? Неужели въ Ревизорѣ и Мертвыхъ Душахъ вы менѣе рѣзко, съ меньшею истиною и талантомъ и менѣе горькія, правды высказали ей? И старая школа дѣйствительно сердилась на васъ до бѣшенства, но Ревизоръ и Мертвыя Души отъ того не пали, тогда какъ ваша послѣдняя книга позорно провалилась сквозь землю. И публика тутъ права: она видитъ въ русскихъ писателяхъ своихъ единственныхъ вождей, защитниковъ и спасителей отъ русскаго самодержавія, православія и народности, и потому всегда готовая простить писателю плохую книгу, никогда не проститъ ему зловредной книги. Это показываетъ, сколько лежитъ въ нашемъ обществѣ, хотя еще въ зародышѣ, свѣжаго, здороваго чутья, и это-же показываетъ, что у него есть будущность. Если вы любите Россію, порадуйтесь вмѣстѣ со мною паденію вашей книги!...

Не безъ нѣкотораго чувства самодовольствія скажу вамъ, что мнѣ кажется, что я немного знаю русскую публику. Ваша книга испугала меня возможностью дурнаго вліянія на правительство, на цензуру, но не на публику. Когда пронесся въ Петербургѣ слухъ, что правительство хочетъ напечатать вашу книгу въ числѣ многихъ тысячъ экземпляровъ и продавать ее по са-

[illegible]

[illegible]

[illegible]

разсердило меня, я только объ этомъ и отозвался бы съ досадою, а обо всемъ остальномъ выразился бы спокойно, безпристрастно. А это правда, что вашъ отзывъ о вашихъ почитателяхъ вдвойнѣ не хорошъ. Я понимаю необходимость иногда щелкнуть глупца, который своими похвалами, своимъ восторгомъ ко мнѣ только дѣлаетъ меня смѣшнымъ, но и эта необходимость тяжела, потому-что какъ-то по-человѣчески не ловко даже за ложную любовь платить враждою. Но вы имѣли въ виду людей, если не съ отличнымъ умомъ, то все-же и не глупцовъ. Эти люди въ своемъ удивленіи къ вашимъ твореніямъ надѣлали, быть можетъ, гораздо больше восклицаній, нежели сколько высказали о нихъ дѣла; но все-же ихъ энтузіазмъ къ вамъ выходитъ изъ такого чистаго и благороднаго источника, что вамъ вовсе не слѣдовало бы выдавать ихъ головою общимъ ихъ и вашимъ врагамъ, да еще въ добавокъ обвинить ихъ въ намѣреніи дать какой-то превратный толкъ вашимъ сочиненіямъ. Вы конечно сдѣлали это по увлеченію главной мыслію вашей книги и по неосмотрительности, а Вяземскій, этотъ князь въ аристократіи и холопъ въ литературѣ, развилъ вашу мысль и напечаталъ на вашихъ почитателей (стало быть на меня всѣхъ болѣе) частный доносъ. Онъ это сдѣлалъ вѣроятно въ благодарность вамъ за то, что вы его, плохаго рифмоплета, произвели въ великіе поэты, кажется сколько я помню за его „вялый, клачащійся по землѣ стихъ". Все это не хорошо. А что вы ожидали только времени, когда вамъ можно будетъ отдать справедливость и почитателямъ вашего таланта (отдавши ее съ гордымъ смиреніемъ вашимъ врагамъ), этого я не зналъ; не могъ, да признаться и не захотѣлъ бы знать. Передо мной была ваша книга, а не ваши намѣренія: я читалъ ее и перечитывалъ сто разъ и все-таки не нашелъ въ ней ничего, кромѣ того, что въ ней есть, а то, что въ ней есть, глубоко возмутило и оскорбило мою душу.

Еслибы я далъ полную волю моему чувству, письмо это скоро бы превратилось въ толстую тетрадь. Я никогда не думалъ писать къ вамъ объ этомъ предметѣ, хотя и мучительно желалъ этого, и хотя вы всѣмъ и каждому печатно дали право писать къ вамъ безъ церемоній, имѣя въ виду одну правду. Живя въ Россіи я не могъ бы этого сдѣлать, ибо тамошніе „Шпекины" распечатываютъ чужія письма не изъ одного личнаго удовольствія, но и по долгу службы, ради доносовъ. Нынѣшнемъ лѣтомъ начинающаяся чахотка прогнала меня за границу. Неожиданное полученіе вашего письма дало мнѣ возможность вы-

сказать вамъ все, что лежало у меня на душѣ противъ васъ по поводу вашей книги. Я не умѣю говорить въ половину, не умѣю хитрить; это не въ моей натурѣ. Пусть вы или само время докажетъ, что я заблуждался въ моихъ объ васъ заключеніяхъ. Я первый порадуюсь этому; но не раскаюсь въ томъ, что сказалъ вамъ. Тутъ дѣло идетъ не о моей или вашей личности, но о предметѣ, который гораздо выше не только меня, но даже и васъ; тутъ дѣло идетъ объ истинѣ, о русскомъ обществѣ, о Россіи.—И вотъ мое послѣднее заключительное слово: если вы имѣли несчастіе съ гордымъ смиреніемъ отречься отъ вашихъ истинно великихъ произведеній, то теперь вамъ должно съ искреннимъ смиреніемъ отречься отъ послѣдней вашей книги, и тяжкій грѣхъ ея изданія въ свѣтъ искупить новыми твореніями, которыя бы напомнили ваши прежнія.

Зальцбурнъ.

15 іюля, 1847 года.

PG 3321 .B43 A45
Pismo k N.V. Gogoliu ANT7185
Hoover Institution Library

ИЗВѢЩЕНІЕ

Редакція „Громады", имѣя въ виду содѣйствовать образованію соціалистической литературы для обществъ всѣхъ національностей, живущихъ въ Украинской области въ Россіи, Галиціи, Буковинѣ, Румыніи и Венгріи, а также установленію федеративной солидарности между украинцами и ихъ сосѣдями, — печатаетъ, по мѣрѣ возможности книги не только на украинскомъ языкѣ, но и на языкахъ иноплеменныхъ колоній въ Украинской области, а также на языкахъ ея сосѣдей.

Въ настоящее время проготовляются къ печати:

1) Rozwój i organizacja pracy na Ukrainie. M. Pawlika i S. Podolinskiego. (Развитіе и организація труда въ Украйнѣ). Для поляковъ-рабочихъ въ Украинской области.

2) Die Lage des juedischen Proletariats in Ost-Europa (Положеніе еврейскаго пролетаріата въ Восточной Европѣ). M. Pawlik.

3) Размова про багатство та бьедносць. (Передѣлка съ украинскаго на бѣлорусскій языкъ.)

4) Рядъ брошюръ подъ общимъ заглавіемъ: „Вольный Союзъ. — La fédération. — Вільна спілка".

№ 1 Двѣ дороги передъ революціонерами въ Россіи. М. Драгоманова.

№ 2 Украйна между Польшей и Великороссіей. (Изъ „Колокола" № 61). Съ предисловіемъ М. Драгоманова.

№ 3 Двѣ программы М. А. Бакунина (Для Славянской секціи Международнаго Общества Рабочихъ и для Польскаго Соціалистическаго Товарищества). Съ примѣчаніями М. Драгоманова.

Всякаго рода вопросы, заявленія и предложенія могутъ быть обращаемы въ редакцію „Громады" (Адресъ: Michel Dragomanov, Redacteur de la „Hromada". Genève.)

ВЪ ТИПОГРАФІИ «РАБОТНИКА» и «ГРОМАДЫ»

Оканчивается печатаніемъ:

«Хліба ревуть воли, јак јасла повні». Роман з народнього житьтьа.

«Громада». Украјінська збірка, впорьадкована М. Драгомановим. Том V.

Печатается:

«Ремесла ј хвабрики на Украјіні». С. Подолінського.

Въ складѣ у *H. Georg*. (Corraterie. Genève)

Поступили въ продажу новѣйшія изданія редакціи „Громады“:

«Пан-народольубець». Повість. Ц. 1 франк.

Двѣ новыя политическія брошюры М. Драгоманова:

«Соловья баснями не кормять. Письмо къ генералу Лорису-Меликову». Ц. 25 сант.

«Было бы болото, а черти будуть». 50 сант.

PG 3321 .B43 A45
Pismo k N.V. Gogoliu ANT7185
Hoover Institution Library

[illegible] 1878. 2 кр.

[illegible] Українські збірки [illegible] М. Драгоманова. [illegible] за [illegible] [illegible] I, II, III, IV, [illegible] «[illegible]». [illegible] [illegible] [illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

PG 3321 .B43 A65
Piemo k N.V. Gogolu AKT7185
Hoover Institution Library

STANFORD LIBRARIES

To avoid fine, this book should be returned on
or before the date last stamped below

5M-2-54-76771

PG 3321 .B43 A45
Piamo k N.V. Gogoliu ANT7185
Hoover Institution Library
3 6105 082 797 288

PG 3
B 43 A.